

Таукчи Е.Ф.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВРЕМЕНИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ НОСИТЕЛЕЙ НЕБЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Время – загадочный феномен, имеющий непосредственное отношение к человеку, интуитивно как будто бы понятный, но в действительности противоречивый и с трудом поддающийся экспликации. Можно ли описать время? И если можно, то как оно «выглядит» в терминах современной лингвистики?

Д.Г. Ищук полагает, что время – не просто длительность, а некая движущаяся субстанция, наполненная событиями, которые ее определяют [1, с. 195]. По мысли О.Г. Чупрыны, в древнем языке характер воплощения знаний о времени в соответствующие ему единицы отличался от современного. Так, в англосаксонской культурно-языковой парадигме отсутствовала единая модель концепта времени. Представления о нем не были абстрагированы от представлений о социальных событиях и явлениях. Источниками сведений о времени были физические, практически необходимые действия, а формами познания оказались социально значимые состояния и явления [2, с. 119-124].

Данные утверждения открыты для критики, так как события социальной жизни никоим образом не влияют на создание лингвистической модели времени в представлении носителей разных языков. Об этом свидетельствуют проявления семантического универсализма в языках разного типа. Если бы исторические факты оказывали какое-либо влияние на способы восприятия времени представителями неродственных культурных общностей, в европейских языках не существовало бы такого огромного количества совпадений в значениях лексем и их сочетаний, относящихся к семантическому времени. Наличие совпадений ставит под сомнение утверждение О.Г. Чупрыны об отсутствии единой временной модели у древних германцев.

С нашей точки зрения, близость значений доказывает не только существование такой модели, но и ее сходство с моделью времени, созданной в основных европейских языках.

Того же мнения придерживается Л. Бородицки: «Время – это феномен, в рамках которого мы, наблюдатели, постигаем продолжительное, однонаправленное изменение. <...> Этот аспект концепта «время», вероятно, является языковой и культурной универсалией» [3, с. 4]. Американские ученые описывают время как сущность, имеющую определенную направленность и одно измерение в пространстве [Там же, с. 5], [4, с. 372]. Вот почему концепт «время» нуждается в специальных терминах, соответствующих его основным характеристикам. «Специальные термины, используемые в разных языках для описания времени, также характеризуются направленностью в определенную сторону и имеют одно измерение, например «вперед / назад» или «вверх / вниз». Они не обладают множеством измерений и не бывают симметричными, как, например, «узкий / широкий» или «правый / левый»» [3, с. 4].

Итак, по мысли американских ученых, в сознании людей, говорящих на разных языках, *время* имеет единую модель и описывается в одних и тех же терминах. Более того, признавая возможность получения знаний о времени путем наблюдения за ним, Л. Бородицки подчеркивает определяющую роль языка, на котором мы говорим, в формировании наших представлений о времени. «Наша концепция времени включает в себя множество аспектов, которые не поддаются наблюдению в окружающей действительности. Например, движется ли время горизонтально или вертикально? Движется ли оно вперед или назад, вправо или влево, вверх или вниз? Движется ли оно мимо нас, или мы движемся сквозь него? Все эти аспекты не находят своего отражения в наших знаниях о внешнем мире, но, как бы то ни было, мы узнаем об этом при помощи языка — чаще всего посредством пространственных метафор» [3, с. 4].

К такому же выводу приходят и другие американские исследователи [4, с. 380-390], [5, с. 210-214].

Какова концепция «времени» у носителей английского языка? «Когда мы разговариваем по-английски, мы преимущественно используем термины класса «вперед / назад» и «впереди / позади». Мы говорим о добрых временах «впереди» нас или трудностях «позади». Мы можем переносить встречи «вперед», отодвигать крайние сроки «назад» и есть десерт «перед тем», как мы покончим с овощами. В общем и целом, для того, чтобы упорядочить события, мы используем те же термины, которые применяются для описания асимметричных горизонтальных пространственных отношений» [3, с. 4].

Нетрудно заметить, что описанная концепция времени характерна для любого из основных европейских языков. Тогда как носители восточных языков представляют себе время несколько иначе. Этому фрагменту наивно-языковой картины мира, сформированной под влиянием китайского языка, посвятили свои работы многие ученые [3, с. 5-71], [6, с. 125-140], [7, с. 295-314].

Дело в том, что в мандаринском диалекте китайского языка наряду с регулярным употреблением «горизонтальной» метафоры систематически применяются термины, соответствующие вертикальной временной оси. «Пространственные метафоры «shang» («вверх») и «xia» («вниз») часто используются, когда речь идет о порядке следования друг за другом событий, недель, месяцев, семестров и т.п. Говорят, что более ранние события находятся «наверху» («shang»), а более поздние – «внизу» («xia»)» [3, с. 5].

При этом нельзя категорично утверждать, что в английском языке полностью отсутствует «вертикальная» терминология времени. Но примеры ее употребления столь малозначительны, что не могут сформировать у носителей английского языка представления о времени как о вертикальной оси [6, с. 131], [7, с. 302]. Следовательно, временная модель выстраивается в сознании человека не на основе его наблюдений за событиями и реалиями окружающей его действительности, а под влиянием языка, на котором говорит тот или

иной человек. «Вероятно, из-за того, что говорящие на английском языке часто используют горизонтальные метафоры, когда говорят о времени, они пришли к мысли, что время есть нечто горизонтальное. Носители английского языка считают время горизонтальной осью даже когда они нечетко выражают пространственную метафору (например, когда воспринимают предложение, построенное в сугубо темпоральных терминах, вроде «раньше» или «позже»). Возможно, по этой же самой причине носители мандаринского диалекта китайского языка стали думать о времени, как о вертикальной субстанции» [3, с. 7].

Итак, в каком-то смысле очевидно, что вертикальная или горизонтальная терминология времени во многом отражает образ мышления носителей разных языков. «Людам, хорошо знающим два разных языка и две разные культуры (или более), обычно очевидно, что язык и образ мышления взаимосвязаны» [8, с. 20]. Принимая за аксиому положение о том, что язык, на котором мы говорим, формирует наши представления об устройстве мира, мы делаем попытку перечислить отдельные замечания о наивно-языковой концептуализации времени у славян.

Как уже было отмечено, темпоральная ориентация может описываться при помощи показателей пространственной ориентации, поэтому событийная упорядоченность представлена в языке по аналогии с пространственными отношениями. Однако, как утверждает А.Д. Шмелев, «русский язык дает нам два противоположных способа установления аналогии между временем и пространством» [9, с. 38].

Более привычно для нас представление, в соответствии с которым прошлое (раннее) находится сзади, а будущее (позднее) – впереди. «Но прозрачная этимология предлогов «перед» («перед этим» значит «раннее») и «за» или слова «прежде» как будто свидетельствует о противоположной ориентации. <...> Используемое в разговорном языке во временном значении наречие «вперед» оказывается энантиосемичным: с одной стороны, оно означает, по данным Малого академического словаря, «на будущее время, в будущем; впредь (вперед не сердя меня; это мне вперед наука)», а, с другой – прежде, раньше, сперва; заранее (вперед спроси, а потом сделай, вперед подумай, потом отвечай)» [9, с. 38]. Подобная энантиосемичность отмечается и другими толковыми словарями (по В.И. Далю «вперед» означает как «прежде», так и «после» [10, с. 254]).

А.Д. Шмелев объясняет «парадоксы», связанные со временем возможностью двоякого перехода к событийной упорядоченности.

Так, при «архаичном» подходе в представлении летописцев, мир был стабильным, неподвижным, а время – движущимся, идущим или текущим мимо него. В этом случае то, что происходило раньше, воспринималось как идущее впереди, «предшествующее», а то, что должно было произойти позже, – как идущее следом, «следующее». По мысли А.Д. Шмелева выражения *время идет, время течет, пришло время, предыдущий день, следующее воскресенье, прошедший год* отражают суть «архаичного» подхода. К той же категории примеров указанный автор относит случай темпорального употребления многих первоначально пространственно-двигательных наречий и предлогов: *прежде, перед тем, вслед за тем, затем, после, напоследок* и т.п., а также широко употребляемое в современном языке слово *предки* [9, с. 39]. «Архаичному» подходу А.Д. Шмелев противопоставляет нынешнее представление о времени: время постоянно и неподвижно, а человек, «наблюдатель», движется через него в направлении от прошлого к будущему. С современным представлением связаны темпоральные употребления наречий *впереди* и *позади*, то есть будущее рассматривается как нечто предстоящее (по достижении намеченного срока). Подобная модель отражена в многочисленных пословицах. Например, у В.И. Даля: *Ешь пироги, а хлеб вперед береги* (на будущее); *Всякий человек вперед смотрит* (= думает о будущем); *Дней у Бога впереди много; Валяй, не гляди, что будет впереди* и т.п. [11].

Указанному различию двух представлений о времени: «движущееся время» и «неподвижное время», через которое движемся мы, также посвящена одна из статей А.Д. Шмелева, написанная совместно с Т.В. Булыгиной. В данной работе анализируется противоположное «понимание приставки *пред-* в словах *предыдущий, предшествующий*, с одной стороны, и *предстоящий*, с другой. Если движется время, то «впереди» идут более ранние моменты, поэтому *пред-* в словах *предыдущий, предшествующий* указывает на то, что было раньше; если же человек движется через неподвижное, «стоящее» время, то впереди, перед ним оказывается то, что еще только будет, – и соответственно, *пред-* в слове *предстоящий* указывает не на прошлое, а на будущее» [12, с. 374-381].

Следует заметить, что наличие двух альтернативных, едва ли не противоположных представлений о «пространственной» ориентации временной оси подвергалось детальному рассмотрению в работах многих российских ученых [13, с. 254], [14, с. 397-398], [15, с. 126-129]. При этом нельзя забывать и о том, что ни возможность двоякого подхода к пространственной метафорике временной упорядоченности, ни сосуществование метафор движущегося времени и движения через время не являются исключительно принадлежностью русского языка. Дж. Лакофф и М. Джонсон заявляют о существовании в английском языке различных темпоральных метафор. Во-первых, «Будущее впереди, а прошлое – позади», во-вторых, «Будущее позади, а прошлое – перед нами» и, наконец, более общие метафоры «Время – движущийся объект», с одной стороны, и «Время неподвижно, а мы движемся сквозь него» – с другой. Хотя, как можно полагать, основываясь на рассуждениях упомянутых авторов, в английском языке связь между двумя указанными парами метафор не проводится столь же четко, как в русском [16, с. 41-44].

Отмечая несомненный синкретизм понятий *пространство* и *время* в наивно-языковых представлениях,

свойственных германцам и славянам, авторы упомянутых нами работ не предоставляют исчерпывающих разъяснений по поводу причин этого явления с точки зрения языка. По нашему убеждению, именно лингвистический анализ лексических единиц семантического поля *времени* соответствующим образом дополнит общую картину исследований, посвященных данной теме.

Вероятно, эквиваленты лексемы *время* в древнеисландском *tíð*, древнесаксонском *tīd*, древневерхненемецком *zīt* и древнеанглийском *tīd* [17, с. 587] соотносятся с английским субстантивом *tide*. Его устаревшее значение – ‘время, период’, а поэтическое значение – ‘поток’, ‘море’. В современном английском языке существительное *tide* употребляется в нескольких значениях: 1) морской прилив и отлив; 2) поток, течение и направление событий [18, с. 767], что, с нашей точки зрения, косвенно указывает на связь с семантикой времени. Сравним: *high tide* – полная вода и *the tide turns* – события принимают иной оборот. К тому же, древнеанглийское *kwīt* и древнемецкое (*h*)*wīla* – ‘время’ [19, с. 638] очевидно соответствуют украинскому слову *хвиля* и созвучному с ним *хвили́на*.

Итак, налицо не только синкретизм пространственно-временных представлений, но и совмещение в восприятии движения времени и водного потока [20, с. 258]. Следовательно, в древности человек понимал время как реку (море). Подтверждением нашему предположению могут стать следующие идиомы и пословицы:

русс. *Река времен; время истекло; в русский час много воды утечет, много воды утекло (с тех пор).*

укр. *Час упливає; що було, то й з водою пішло.*

болг. *много (кòлко, тòлково) вода̀ изтече отто̀гова* – много воды утекло с тех пор; *изпих съм си вода̀та* [буквально: выпить свою воду] – отжить свое, мое время ушло.

англ. *Much water has run under the bridge.* – Много воды утекло; *time and tide wait for no man* – время и поток воды никого не ждут.

Наблюдения такого рода дают нам возможность говорить о том, что языковые данные могут служить ключом к пониманию и интерпретации каких-либо культурно значимых аспектов восприятия действительности.

Источники и литература

1. Ищук Д.Г. Свободные и устойчивые синтагматические связи лексико-семантического поля времени // Образование в России: перспективы и реальность. – СПб., 2001. – С. 192-196.
2. Чупрына О.Г. Закономерности категоризации временного опыта в древнеанглийском языке // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. тр. – Рязань, 2000. – С. 118-124.
3. Boroditsky L. Does language shape thought? Mandarin and English speaker's conceptions of time // *Cognitive Psychology*. – NY., 2001. – Vol. 43, №1. – P. 1-22.
4. Clark H. Space, time semantics and the child // *Cognitive development and the acquisition of language*. – NY.: Academic Press, 1993. – P. 370-394.
5. Traugott E. On the expression of spatiotemporal relations in language // *Universals of human language word structure*. – Stanford, C.A.: Stanford University Press, 1998. – Vol. 3. – P. 207-236.
6. Chun L. A cognitive approach to UP metaphors in English and Chinese: What do they reveal about the English mind and the Chinese mind // *Research degree progress report for Hong Kong Polytechnic University*. – 1997. – P. 125-140.
7. Scott A. The vertical dimension and time in Mandarin // *Australian Journal of Linguistics*, 9. – P. 295-314.
8. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов: Пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
9. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 224 с.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Гос. изд. иностранных и национальных словарей, 1955. – Т.1: А-З. – 505 с.
11. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 384 с.
12. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – 470 с.
13. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – 3-е изд. – М.: Наука, 1979. – 340 с.
14. Лихачев Д.С. заметки наблюдателя: Из записных книжек разных лет. – Л.: Сов. писатель, 1989. – 530 с.
15. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 260 с.
16. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. – Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 320 p.
17. Vreis J. de. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. – Leiden, 1959. – 720 s.
18. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. – М.: Русский язык, 1978. – 888 с.
19. Pokorny J. *Indogermanisches Wörterbuch: In 2 Bd.* – Bern, 1959. – 1260 s.
20. Луценко Н.А. Семантические парадигмы как источник поэтической образности // *Филологические исследования: Сборник научных работ*. – Вып.1. – Донецк: Юго-Восток, 2000. – С. 256-263.